

НЕВЕСОМАЯ КАК СНЕЖИНКА

Рассказы

ЕЛЕНА АСТАСЬЕВА

18+

Елена Астасьева

Невесомая как снежинка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Астасьева Е.

Невесомая как снежинка / Е. Астасьева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Семь рассказов о странностях любви. Простые истории, в которых, возможно,
вы узнаете себя.

© Астасьева Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Елена Астасьева

Невесомая как снежинка

Проездом

Я была счастлива. Счастье мое звали: Мика, Миха, Михаил, милый медвежонок. «Может быть, я к тебе заеду на обратном пути», – сказал он. А я ответила: «Как хочешь». И зачем только я ответила: «как хочешь», ведь могла же сказать: «обязательно приезжай». А могла бы сказать: «Если ты не вернешься, я умру», – так было бы лучше. Да только он ведь сам об этом знает. И разве можно в любви заставлять или просить, это ведь дело добровольное.

В прошлый раз вот и не просила и не ждала, сам пришел, приехал, возник. Я глазам своим не поверила, когда увидела его на лавочке возле дома. «Не может быть», – твердила про себя, приближаясь, а когда убедилась, что все-таки может, просто застыла и молча смотрела, как он, отложив в сторону блокнот и карандаш, подходит и говорит: «Привет! Это я. К тебе можно?»

И вот он уже сидит на моем диване и ошарашено смотрит вокруг, а на стенах – его рисунки, а на рисунках – я: я – в виде русалки (вместо ног – огромный хвост), я – в виде Венеры, голой богини из морской пены, а также я – в позе лотоса на спине у слона. Три рисунка висят на самом видном месте, а остальные места, видные и не очень, заняты фотографиями, вернее, одной-единственной фотографией, распечатанной в количестве пятидесяти штук, а на ней – он, Михаил, лежит себе, загорает, подставив солнцу спину и зеленые плавки. Жаль, конечно, что не видно лица, но это единственное фото, которое осталось у меня на память о том лете.

Затем я дрожащими руками разливала чай в чашки цвета убывающей луны, а Мика как-то странно на меня смотрел, и повторял как будто про себя: «Что происходит, а?» или: «Нет, я ничего не понимаю», а потом сказал: «Знаешь, у меня есть деньги, надо их как-то потратить».

И мы пошли с ним в магазин и купили все необходимое: огромную пиццу с кальмарами и консервированные каштаны, сладкое вино и противный коньяк, конфеты в виде красных червячков с зелеными глазами и дирол, чтобы не было кариеса. Еще Мика купил таблетки кофеина, чтобы растворять их в коньяке и не спать всю ночь.

Потом он сказал: «Мне надо позвонить, предупредить, что я пока не появлюсь. Я вообще-то проездом решил к тебе заскочить. Все-таки полтора года прошло, я ведь не знал, как ты и что ты».

«Теперь знаешь», – ответила я, и мы пошли пить вино и коньяк, а потом я читала свои стихи, посвященные ему, стихи о нем и для него. А он показывал мне свои рисунки, на всех на них были женщины в разных позах и вариантах: женщина с телом змеи и языком-жалом; женщина-паук, плетущая сети для маленьких грустных мужчин; женщина с огромными глазами, взирающая на мир из стеклянной колбы. Еще была женщина-бабочка, и женщина-тигр, и даже дерево-женщина, но все они были очень красивые, и Мика сказал, что один человек ждет его в Питере, поможет там ему устроить выставку, он сможет заработать денег и даже прославиться. «Здорово, правда?» – спросил он. – «Хочешь в Питер?»

Это было не предложение, а так, вопрос из любопытства. Я хотела в Питер, на Марс и к черту на рога, но только если он меня туда очень-очень позовет. Поэтому неопределенно кивнула головой. «У тебя, наверное, работа, да?» – подсказал Мика. «Конечно, хочу, но работа...» – согласилась я. Испугавшись, что он начнет меня расспрашивать о работе, попросила: расскажи о себе.

«Да что там рассказывать», – отмахнулся Мика. – «Жил, рисовал. Я вот думаю: может, напрасно все это? И нет у меня никакого таланта? Я ведь не так уж много хочу: всего лишь

признания, славы. Хочу, чтобы меня оценили. Мне ведь даже денег не надо. Вернее, надо, конечно, но так, совсем чуть-чуть. Пока у меня ничего нет. А ведь мне уже 23 года!»

Я мысленно вздохнула: мне было на два года больше и у меня действительно ничего не было, даже таланта, который у Мики явно присутствовал. О чем я ему и сказала.

«Ты действительно так считаешь?» – спросил он, пристально глядя на меня своими глазами цвета темного янтаря с вкраплениями черных точек. Еще бы! На самом деле я считала его самым лучшим, самым умным, и, безусловно, самым талантливым из всех людей, которых я знала. «Иди ко мне», – позвал Мика, и я послушно прильнула к его груди.

А к утру он совсем уже превратился в милого медвежонка.

«Ты толстый», – говорила я, чтобы он не догадался, что считаю его самым красивым на свете. «Я не толстый, я большой», – улыбался он, все равно догадываясь.

«Ты вспоминал меня?» – спрашивала я осторожно, чтобы он не понял, как часто вспоминала его я. «Конечно, вспоминал. Ну, не то, чтобы я тебя каждый день вспоминал, понимаешь? Но всегда о тебе помнил. Хотел написать тебе письмо, но ты ведь сказала: не надо».

Да, прощаясь тогда, прошлым летом, я действительно сказала «не надо», когда он спросил: «Хочешь, я тебе напишу?» Я боялась, что если скажу «да», то потом всю жизнь буду ждать его письмо, заглядывать каждый день в почтовый ящик, видеть по ночам сны о том, как получила это волшебное письмо, и в конце концов сойду с ума от ожидания. По той же причине я не стала договариваться с ним о встрече, не требовала никаких обещаний и не давала их сама. Если суждено чему-нибудь случиться, оно и так случится, – считала я. И вот чудо произошло: он приехал.

«Позвонить все-таки надо», – напомнил Мика. Телефона в моей квартире нет, увы, и мы пошли на почту. Я надела свое лучшее платье: ярко-красного цвета, длиной до земли, и новые туфли на высоком каблуке. Мика в синей майке и джинсах выглядел замечательно, но вместе мы составляли странную пару. Впрочем, может быть, мне только казалось, что все прохожие на нас оборачиваются. Мне было немного неловко за прохожих, а также за антисанитарное состояние моего города: окурки на тротуаре, сломанные скамейки и попадающиеся на каждом шагу мои знакомые были недостойны Мики.

Он позвонил, куда там ему было надо, и пока он был на почте, я стояла на улице и уже предчувствовала недоброе, а когда он вышел и сказал: «Все хорошо. Завтра я уеду», я опустилась прямо на пыльный асфальт, и сидела так, не в состоянии сдвинуться с места, целую вечность. «Ну надо же мне как-то двигаться в сторону Питера?» – объяснил Мика, оправдываясь.

«Конечно» – согласилась я, и мы стали веселиться, гуляя по городу. И впереди была целая ночь, а потом утро, и я не плакала, нет, и не просила взять меня с собой, а в последнюю секунду он сказал: «Может быть, я к тебе заеду на обратном пути». И я ответила: «Как хочешь».

А когда он уехал, взяла календарь и стала считать, и получалось, что через сорок пять дней он будет возвращаться, и конечно же, заедет. Поэтому я была счастлива. Все эти сорок пять дней. Каждый из этих дней был наполнен смыслом: ожидания его.

Ни на какую работу я, конечно, не ходила, ведь я не способна работать. У меня было занятие получше: я писала роман. Это был роман о нем, о Мике, о том, как мы с ним встретились и полюбили друг друга. О той единственной неделе, которую мы провели вдвоем на золотом песке у теплого моря. О том, как он меня рисовал. В общем, это было очень увлекательное занятие, писать мой роман. И каждый вечер перед сном я молилась: о том, чтобы он нашел то, что ищет, и был бы так же счастлив, как и я.

И совсем неважно, что, когда закончились эти сорок пять дней моего счастья, он так и не приехал. И что когда я позвонила, не выдержав, к нему домой, его мама (чудесная женщина!) ответила, что Михаил давно уже вернулся, но не один, и даже успел опять уехать, и что он теперь будет жить в Питере, со своей женой.

Кавказский принц

Напротив нашего общежития было другое, для судостроительных рабочих. В его окне мы заметили мужской силуэт.

Две студентки первого курса, в этот вечер мы томились в своей комнате от скуки. Кровати с панцирной сеткой, в центре стол, табуретка, все. Еще, правда, у нас была настольная лампа, купили ее для уюта. Лампа была сенсорная – прикоснувшись к оранжевому абажуру, можно было усиливать или уменьшать свет.

Мы стали сигнализировать мужчине в окне этой лампой. Вскоре он это заметил, стал тоже подавать нам знаки. Мы с Лидой хохотали, падая на кровати. Пригибались, делая вид, что нас нет, и подсматривали из-за занавесок. Это было приключение! Нам было по семнадцать лет.

Мужчина надел пальто, помахал нам и куда-то вышел. Через пять минут кто-то постучал в нашу дверь.

Мы испугались, притихли. Но все-таки открыли. На пороге стоял юноша неземной красоты. Черные волосы, темные глаза, чуть смуглая кожа. Тонкие черты лица, как у принца из сказки. Черное пальто и белоснежный шарф.

Юноша заговорил, и чары развеялись. Принц оказался кавказских кровей. Он говорил с очень сильным акцентом, и вообще плохо знал русский язык.

Так мы познакомились с Аликом из Азербайджана. Он заходил к нам в гости, мы пили кофе, он оживлял наши скучные вечера. Сидел на табурете за столом, мы – по сторонам от него, на своих кроватях. Пытался что-то рассказать, мы покатывались со смеху, его произношение казалось нам невероятно смешным. Он растерянно улыбался.

Работал ли он на судозаводе, учился? Я не знаю. Знаю лишь, что, как и мы, он приехал в этот город совсем недавно, и ему было так же одиноко, как и нам.

Однажды он показал нам паспорт. Оказалось, что ему двадцать лет, зовут его вовсе не Алик, имя было сложное, с приставкой «оглы».

Алик был притягателен, как красивая, но не очень приличная игрушка. Таких как он, здесь называли «хачи».

Иногда мы ходили с ним гулять, обязательно втроем. Втроем – это было как бы не все-ррез, просто дружба. Просто девочки дружат с мальчиком, что тут такого. Вот пройтись вдвоем – это почти свидание. Водиться с хачами считалось чем-то постыдным, плохим.

Мы гуляли по главной улице города, Советской, стояла солнечная осень. Алик шел посредине, черное пальто, белый шарф. Вот лоток с мороженым, продавщица куда-то делась. Алик брал из бесхозного лотка мороженое – девочки, угощайтесь. Мы убегали, смеясь от восторга и страха.

Однажды Алик пришел, а Лиды не было дома. Она записалась на аэробiku, была одержима, как и все девушки, идеей худеть.

Мы впервые оказались наедине, это было неловко.

Алик пристально смотрел на меня глазами цвета горького кофе, который мы пили.

Произнес с придыханием:

– Ты красивый.

Он путал женский и мужской род, падежи.

Пересел ко мне на кровать, я почувствовала аромат туалетной воды с табачными нотами. Много лет потом, стоило мне где-то встретить этот запах, я мгновенно вспоминала тот день.

Я сказала, отталкивая его руки:

– Иди домой.

Он придвинулся ближе:

– Хорошо, я иду до твой.

Это было так нелепо и смешно, что я расслабилась. Тогда он меня поцеловал.

Это был мой первый поцелуй. Я так решила.

На самом деле не первый, но те, другие поцелуи, я хотела отменить, они были не настоящие. Поцелуи взрослого мужчины – неприятные, постыдные, тайные. Поцелуй из тех ни за что не мог быть моим первым, нет.

«Мне семнадцать и я целуюсь в первый раз» – сказала я себе. Это звучало правильно. Только вот мужчина опять был не тот.

Но этот поцелуй был первым еще по одной причине. В тот день я ощутила что-то новое, что-то такое, чего никогда раньше не было. Я изучала свои реакции с любопытством ученого, ставящего опыты на самом себе.

Мы стали целоваться каждый раз, оставаясь наедине. Лида ничего не знала, прыгала три раза в неделю на своей аэробике. У меня опять была тайна, что поделаться, так устроена жизнь.

Однажды на выходные я уехала к родителям. Когда я вернулась, Лида сказала:

– Представляешь, Алик в меня влюбился!

Оказалось, пока меня не было, он пытался ее поцеловать.

Лида смущалась, но румянилась от удовольствия:

– Я ему сказала, что у меня есть парень. Что ничего не получится.

Я уже знала, что Лида умела врать.

У нее был парень Витя, школьная любовь, он остался в ее родном городе. Приезжал иногда, раз в месяц, на пару дней.

Лида жаловалась:

– Неужели у меня больше никогда никого не будет? Выйду замуж, и все?

Ей хотелось попробовать что-то новое.

Я не стала говорить Лиде, что с Аликом все не по-настоящему. У меня было превосходство, я знала правду, а она считала, что все всерьез.

Мы втроем шли в кино, а потом Лида, понизив голос, рассказывала:

– Во время фильма Алик так сжимал мою руку...

Я молчала о том, что другой рукой в это время он гладил мою ладонь.

Накануне приезда Вити Лида меня предупредила:

– Я сказала, что Алик ходит к тебе, я тут не причем, хорошо?

Мне не понравилось, что Витя будет думать, что я встречаюсь с хачами. Но я промолчала, я была покладистой в те времена.

Знакомство Вити с Аликом прошло нормально. Лида виновато улыбалась, Алик держался свободно. Они пожали друг другу руки, два солидных мужчины. Вите было, кажется, двадцать один.

Я подозревала, что когда меня нет, Лида, как и я, целуется с кавказским принцем. А может и не только целуется. Мне было все равно.

Я уже знала, что вокруг все не то, чем кажется. Что поделаться, если так устроена жизнь.

Постепенно Алик стал приходить к нам все реже, Лида бросила аэробiku. Они с Витей собирались пожениться, дело в том, что она была беременна. Вскоре Алик и вовсе куда-то исчез.

Прошло лет пять, однажды вечером я шла по улице. Меня окликнули, оглянулась, на меня надвигался какой-то хач. Я испуганно шарахнулась, но он назвал меня по имени:

– Ты меня не узнаешь?

Это был Алик, но я его не узнала, а скорее догадалась, что это он. Ничего не осталось от сказочного принца, его черты огрубели. Взрослый мужчина, лицо кавказской национальности.

Он спросил меня, не вышла ли я замуж. За эти годы он хорошо выучил русский, я заметила, что его акцент почти исчез.

Я ускорила шаг, свернула резко в сторону. Он не стал меня догонять.

Моя первая

Мне было девятнадцать. Я приехала в детский лагерь работать вожатой и директриса, увидев меня, всплеснула руками:

– Господи, какой цыпленок! Дам тебе самых маленьких, с другими не справишься.

Мне дали младший отряд, дети от шести до одиннадцати лет. И я с ними категорически не справлялась. Но речь не об этом.

Меня поселили в комнату еще с двумя другими вожатыми, они были моего возраста, подруги. И в одну из них я влюбилась.

Это было так давно, что я даже не помню, как ее звали. Я перебираю имена, что-то мелькает на краешке сознания – Нина, Надя, а может, Инна? Кажется, буква Н была там точно... Но нет, обманчивая память дразнит, но не открывает имя. Пусть будет Надя.

Надя была спортсменка, легкая атлетика, у нее было стройное, мускулистое тело, почти мальчишеская фигурка. Маленькая, почти незаметная грудь, зеленовато-карие глаза, золотистая от загара кожа. Русые, выгоревшие на солнце волосы, изящное каре, оставляющее открытой шею. Шорты, футболка, уверенные движения. Пацанка.

Надя с утра до вечера говорила о мужчинах. По ее словам, у нее было полно мужчин, впрочем, любимого парня у нее не было, она ни с кем не встречалась. Был тренер, с которым она чуть ли не с тринадцати лет, по ее словам, трахалась, был друг детства, с которым «мы иногда занимаемся сексом». Жила она, как я поняла из ее историй, довольно бедно, вдвоем с мамой, и приехала в лагерь подзаработать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.